

© 1999 г. Г.П. КЛЕПИКОВА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ СЕМАНТИКИ

(метод «семантического поля» Н.И. Толстого)

Н.И. Толстой является одним из тех отечественных лингвистов, кто в начале 60-х гг. выступал за расширение сферы использования типологических методов, и, в частности, применительно к изучению близкородственных языков, например, славянских, а также, что особенно важно, совокупностей их диалектов [Толстой 1997: 12–14, 71]. В общем виде, как известно, эти методы сводятся к моделированию языковых систем (или их фрагментов) и к установлению – в результате сопоставительного анализа на единой основе – определенных рядов соответствий для некоторого числа языков (диалектов). В ряде работ – таких, как «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» (I, II), «Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии» и др. (см. [Толстой 1997]), – Н.И. Толстой впервые в науке, используя результаты, достигнутые в фонологии и грамматике (ср. [Там же: 70]), эксплицировал задачи типологического изучения и в области славянской (диалектной) лексикологии и семасиологии, хотя в то время еще высказывались сомнения, правомерно ли применение понятия «системы», «системности» к лексике и семантике, – в силу практически трудно исчислимого количества единиц этих «уровней» языка и их максимальной «открытости». В тот период сложность типологического изучения лексико-семантической сферы современных славянских диалектов определялась как состоянием славянской диалектной лексикографии (количество и качество диалектных словарей, слабое отражение лексики и семантики в лингвогеографических трудах и т.д.), так и отсутствием достаточно экономных и надежных способов характеристики лексико-семантической системы в целом [Толстой 1997: 16], методов сопоставления и оценки степени общности/различия между системами отдельных языковых идиомов, например, диалектов (= «частных диалектных систем» [ЧДС], «диасистем»).

1. Исходным для Н.И. Толстого в его штудиях было понимание слова как е д и н с т в а лексемы (= план выражения) и семемы (= план содержания)¹ [Толстой 1997: 46, 70 и др.]).

2. Применение Н.И. Толстым метода лингвистического моделирования, использовавшегося ранее лишь в фонологии, также и в исследованиях лексико-семантической системы позволяет эксплицировать самое систему (= ее фрагменты) и с т р у к т у р и р о в а т ь ее, выявляя совокупности дискретных (и взаимосвязанных) лексико-семантических м и к р о с и с т е м, или м и к р о п о л е й². По Н.И. Толстому, модель

¹ Ср. и соответствующее определение предмета лексикологии и семасиологии: первая рассматривает «словарный состав языка с его формальной стороны, т.е. лексемный инвентарь... и структуру лексем», вторая – «словарный состав языка с его внутренней стороны, т.е. значение лексем (их предметную соотносительность) и их взаимное соотношение» [Толстой 1997: 70].

² Чаще всего этим термином описывается некоторая совокупность единиц, характеризующаяся следующим образом: «"поле" в языке является лингвистической, а не понятийной или ассоциативной категорией», «в качестве поля в языке можно интерпретировать лишь некоторые инвариантные и функционально-инвариантные группы», «для полей характерно наличие общих функций и их элементов и лишь иногда общих, ... нередко экстралингвистических, дифференциальных признаков» (= ДП) и др. [Щур 1974: 162, 234, 219]. Общее же для «концепции поля» – «постулирование общих ДП группам элементов, рассматриваемых как поле» [Щур 1974: 233].

строится для совокупности языковых идиомов (языков, диалектов), поэтому она является метаязыковой (надязыковой, наддиалектной) и определяется как «искусственная, внутренне непротиворечивая модель-сетка с максимальным набором дифференциальных признаков» [Толстой 1997: 48] (= ДП), релевантных для суммы изучаемых языков (диалектов); к сожалению, эта важная особенность метода – обращение к совокупности (gesp. континууму) ЧДС, – по существу, осталась не оцененной исследователями в полной мере³ (подробнее в [Клепикова 1980]). Построение «надидиомной» лексико-семантической модели – «лексико-семантического (микро)поля» – осуществляется на базе одной, реально существующей системы (языка, диалекта), с учетом всех присущих ей ДП, и предусматривает расширение модели – за счет ДП из других систем. Следовательно, мета-модель (= микрополе) включает максимальный набор ДП и может иметь вид сетки (или матрицы идентификации).

3. **Ц е н т р а л ь н ы м** же в данной концепции, на наш взгляд, является, положение о необходимости «найти способ выделения микрополя, которое заключало бы в себе не только *однокоренные* слова (гнезда слов и т.п.), но и было бы в то же время построено на *формально-лингвистических*, а не *логических* основаниях... важно, чтобы это поле могло служить *основой* для сравнения фрагментов лексико-семантических систем близкородственных диалектов» [Толстой 1997: 17] (курсив наш. – Г.К.).

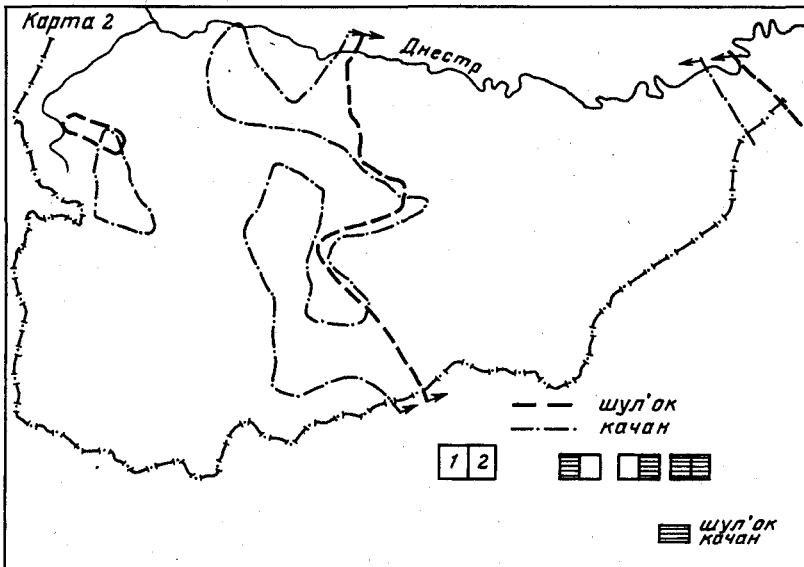
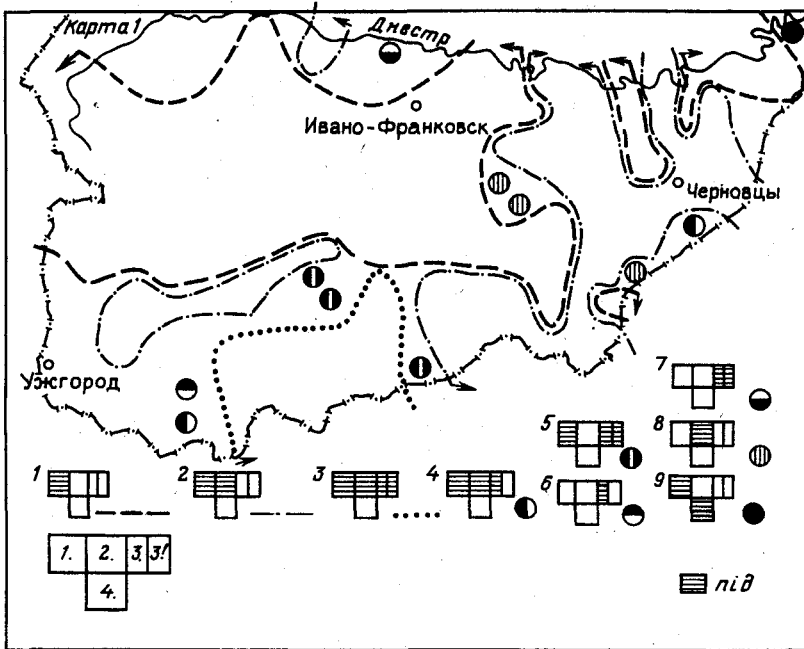
Формально-лингвистический (а точнее – семасиологический) критерий объективного определения границ модели [= «семантического поля»] Н.И. Толстой видит в установлении междиалектной (межъязыковой) **а м п л и т у д ы** **к о л е б а н и я** так называемой «опорной» лексемы. Таким образом, эта «амплитуда» представляет собой сумму всех зафиксированных семантических переходов (сдвигов), выраженных одной лексемой в группе близкородственных языков (диалектов) [Толстой 1997: 18, 26 (о семантическом поле дериватов)]. Каждая лексема, соответствующая в пределах «поля» той и иной семеме, может стать «опорной» и образовать другое «поле», и, следовательно, можно представить связь между «полями» не как «примыкание», а как «перекрещивание» и «вхождение» друг в друга (что придает лексико-семантической системе «не только прочную внутреннюю спаянность, но и известную мобильность и гибкость») [Толстой 1997: 18–19].

4. **Внутри сетки-модели**, – состоящей из конечного числа «клеток», – выявленные ДП упорядочиваются (= иерархизуются), в зависимости от характера ДП. При этом каждой клетке модели (= семантического поля) должна соответствовать **о д н а** лексема (не словосочетание!), обнаруживаемая хотя бы в одном из диалектов (= ЧДС) исследуемого континуума.

5. С целью типологического изучения реализовавшихся в языках (диалектах) семантических микросистем проводится их сопоставление, **с о о т н е с е н и е** – путем «наложения» их на надязыковую (наддиалектную), т.е. максимальную, эталон-модель. В результате в каждой конкретной микросистеме выделяются **а н а л о г и ч н ы е** и **р а з л и ч а ю щ и е** с я части семантического объема «опорной» лексемы. Комбинации (= конфигурации⁴) этих общих и различающихся частей в семанти-

³ Ср., например, неточное (неполное) ее изложение в [Шур 1974: 76], отсутствие упоминания об этом методе в [Уфимцева 1986] и под. Характерно, что, например, В. Бланар дает высокую оценку и методу Н.И. Толстого в целом, и его обращению к диалектному материалу [Бланар 1971], несомненно и влияние на него взглядов Н.И. Толстого [Бланар 1990: 117, 119]. Вместе с тем в своей конкретной исследовательской практике В. Бланар предпочитает концепт «понятных» полей и соответствующие приемы (компонентный и дистрибутивный анализ) [Бланар 1961; Бланар 1984: 72 и др.], а диалектологический аспект он рассматривает в качестве одного из дополнительных источников исторической реконструкции семантики лексем, входящих в определенное поле [Бланар 1984: 72, 74, 204].

⁴ Последние могут быть определены как топологический признак, указывающий на характер «пересечения» подмножеств данного множества-объекта [Шур 1974: 1558, 201]. О конкретных конфигурациях (= расположении «составляющих на заданном семантическом пространстве») см. в [Толстой 1997: 84, 88 и др.]. Ср. также: «Конфигурация лексем, т.е. результат их дистрибуции» (= на семантической сетке-модели) [Толстой 1997: 49].

Карта 1. Условные обозначения: 1. чердак; 2. пол чердака; 3. потолок (штукатуренный); 3~ (штукатуренный); 4. пол.

Карта 2. Условные обозначения: 1. початок (с зернами); 2. ~ (без зерен).

ческом пространстве «поля», характеризуют – в конечном счете – семантические (resp. лексико-семантические) м и к р о т и п ы, которые могут стать объектом дальнейших сопоставлений [Толстой 1997: 18]. По мнению Н.И. Толстого, причины появления различий в семантическом объеме той или иной лексики в диалектном континууме могут быть собственно лингвистическими (= историко-лингвистическими – сдвиги, трансформации в семантике [= семантизация, десемантизация, транссемантизация ДП]) см. [Там

же: 33], – поэтому современный диалектный ландшафт можно рассматривать как нечто «вроде развернутой в пространстве диахронии» [Там же: 15]. Различия семантических объемов в диалектах объясняются и внелингвистическими причинами, ср., например: «...в разных языках и разных диалектах... внеязыковая действительность сегментируется различно» [Толстой 1997: 73 и др.]. Заметим, что сходным образом – как «семантическое членение» (= «картирование») – определяет это явление и У. Вейнрейх [Вейнрейх 1970: 163]. В результате подобной сегментации может возникнуть ситуация, когда одна лексема занимает две и более клетки наддиалектной сетки-модели, что трактуется Толстым как «неразличение» (не «нейтрализация»! – см.: [Толстой 1997: 83 и сл.]) соответствующих семем.

В целом предложенный метод типологического изучения явлений лексико-семантической сферы, по определению автора, «...не позволяет игнорировать ряд релевантных... семантических связей, остающихся часто вне наблюдений исследователя при подходе к семантическому полю с точки зрения... сферы чистых понятий или предметных и семантических групп» [Там же: 57]. Вместе с тем Н.И. Толстой трезво оценивал возможности типологии; так, он подчеркивал, что «...типологическое изучение лексики может нам предложить ряд ограничений в отношении набора... лексем, их корреляции и семантического наполнения, равно как и типология семантики может определить характер конфигураций семантических сеток, также с рядом запрещений взаимоисключающих семем» [Толстой 1997: 74].

Как известно, достоинства метода были продемонстрированы Н.И. Толстым на примере уже ставшего классическим для славянской семасиологии анализа семантического поля «дождь – погода – время – год – час» [Толстой: 44 и сл.]. Автор отмечает, что с формально-логической точки зрения семантические фрагменты «дождь – погода» и «время – год – час» не связаны, и поэтому обычно их относят к разным п о н я т и й - н ы м полям. Однако при определении границ семантического поля на собственно лингвистических основаниях – в соответствии с амплитудой колебания «опорной» лексемы *godina в различных славянских диалектах – становится очевидным, что данная лексема, анализируемая на «метаязыковом» уровне, соответствует е д и н о м у семантическому пространству, включающему все 5 семем (ср. и объединение их при психолингвистическом эксперименте [Толстой 1997: 20]).

Работы Н.И. Толстого по славянской семасиологии имели исключительно типологическую направленность. Вместе с тем уже в статье «Из опытов... (I)» [Толстой 1997] он предлагал использовать данную «полевую» методику в практике славянской лингвогеографии, в которой в то время господствовало картографирование «атомарных» фактов – слов и значений. Н.И. Толстой считал подобный подход в ряде ситуаций неэффективным, например, в случаях семантической несопоставимости лексем, различной широты семантического спектра лексемы в разных диалектах и под. [Там же: 60]. По его мнению, использованию новых – семасиологических – «полевых» методов в лингвистическом картографировании должно предшествовать п р о г р а м - м и р о в а н и е семантических сеток-моделей с максимальным по возможности набором ДП, что обеспечивает полное описание семантического объема «опорной» лексемы и установление с у м м ы альтерирующих с нею лексем (об этом в [Толстой 1997: 64]). Говоря о возможностях предлагаемого метода, он писал: «...в лингвогеографической проекции можно демонстрировать не только материальную манифестацию явлений, но и их отношения и даже т о л ь к о отношения» [Там же: 66].

Разумеется, с самого начала Н.И. Толстому было ясно: массовость, интенсивность использования в исследовательской практике этого, несомненно, перспективного метода изучения лексико-семантической сферы будет зависеть от наличия значительного по объему, соответствующим образом собранного и препарированного, материала (см., например в [Толстой 1997: 46, 89 и сл.]). Это доказывают прежде всего его собственные работы. Так, например, материал 1-й статьи «Из опытов...» [Толстой 1997] был неоднородным (наряду с собственными наблюдениями и сообщениями других исследователей привлекались и эксерпции из словарей, атласов и под.), и в этом была

уязвимая ее сторона; напротив, для 2-й статьи (1966 г.), посвященной дистрибуции суффиксов «в заданном семантическом пространстве» (см. [Толстой 1997: 96] лексема *береза* и дериваты)⁵, материал собирался по специальной программе, включавшей ряд детализирующих вопросов ономастиологического порядка [Толстой 1997: 77], и, что существенно, в пределах «сплошного диалектного ландшафта» (континуума), а не отдельных диалектов «из разных языковых зон» [Там же: 76]. Именно поэтому факты 12 говоров Полесья, анализируемые в этом этюде, отличаются полнотой и системностью, что предопределило и содержательность результатов. Но как раз в этой статье Н.И. Толстой писал: «...мы *вынуждены* пока (курсив наш. – Г.К.) довольствоваться рассмотрением отдельных групп лексики» [Толстой 1997: 73], а в работе «Некоторые проблемы...», посвященной изучению семантического объема лексемы *gaj, он призывал расширять сферу исследований: «...Наши наблюдения проводились в основном над *ограниченным* кругом номенклатурной лексики... Более широкие и, вероятно, более благодатные возможности даст обращение к *абстрактной* лексике. Целесообразно проводить семантические исследования и по группам лексики, относящейся к определенным частям речи» [Толстой 1997: 42–43] (курсив наш. – Г.К.). Очевидно, что эти задачи требовали и обновления приемов сбора диалектного материала.

Новаторские идеи Н.И. Толстого получили в нашей стране значительное распространение; немало его учеников и последователей среди белорусских лингвистов (Г.Ф. Вешторт, Л.Т. Выгонная, И.И. Луциц-Федорец, В.В. Мартынов и др.), которые в 60-70-е гг. опубликовали ряд работ, близких по методике к исследованиям Н.И. Толстого и анализировавших материалы, целенаправленно собиравшиеся в полесских говорах и посвященные некоторым разрядам терминологической лексики (сельскохозяйственной, строительной, географической и под.) [3 жыцця... 1968; Полесье 1968; Лексіка... 1971] и др.

С энтузиазмом восприняли новый подход к изучению диалектной лексики и семантики и московские коллеги ученого. В частности, этот подход был широко использован при подготовке лексико-семантической части (т.е. 4/5 всех пунктов) Программы-вопросника «Карпатского диалектологического атласа» (= КДА) [КДА: 35–62]. При этом и составитель основного проекта Вопросника В.М. Иллич-Свитыч, и авторский коллектив в целом учитывали тот факт, что только специальные формулировки вопросов, ориентированные на перспективу *м о д е л и р о в а н и я* семантических сеток соответствующих лексем могут обеспечить сбор в карпатоукраинских говорах материала, который позволит в дальнейшем проводить типологические исследования и картографировать выявленные лексико-семантические «микротипы». В результате работы над Вопросником КДА практически *к а ж д ы й* вопрос указанного раздела содержит две части: 1) что значит слово *x*? (с перечислением в *с е х* зафиксированных в диалектной литературе и архивах «значений») и 2) как выражается каждое из указанных в 1-й части «значений»? (= т.е. прямой и так называемый «обратный» вопросы). В этом, кстати, уникальность Вопросника КДА, что во многом повлияло и на особенности картографирования семантических явлений в КДА. Особо отметим, что сам Н.И. Толстой заинтересованно относился к мысли на практике, в ходе и диалектологического обследования говоров зоны Карпат, и картографирования соответствующих явлений, проверить свой метод. Самое деятельное участие он принимал и на заключительной стадии работы над Вопросником Атласа, – в частности, на Ужгородском совещании (июнь 1962 г.), на котором этот Вопросник был утвержден [КДА: 25]. В то же лето по нему начался сбор материала.

В дальнейшем стало ясно, что несмотря на известные трудности в работе с таким Вопросником в большинстве пунктов сетки обследования и по большинству вопросов удалось собрать вполне надежный для типологических штудий материал. Более того – в первой публикации по КДА 1967 г. уже были осуществлены опыты картогра-

⁵ При этом «характеризуется не какой-либо отдельной взятый формант при отдельно взятом значении, а ряд словообразовательных формантов, распределенных на семантической сетке» [Толстой 1997: 96].

фирования семантических объемов некоторых лексем. Широко использовались данные Атласа, интерпретировавшиеся с помощью «полевого» метода Толстого, в ряде специальных семасиологических и сема-ономасиологических публикаций [Клепикова 1969; 1977; 1986] и др. Наш опыт работы с материалами КДА убеждает, что изучение и картографирование семантического объема лексемы в составе микрополя является, несомненно, наиболее полной и экономной презентацией диалектных данных в совокупности ЧДС.

В то же время надо иметь в виду, что существуют известные ограничения в применении «полевого» метода Н.И. Толстого. Укажем два из них.

(1) Так, в диалектных континуумах возможны ситуации, когда вследствие, во-первых, значительной семантической амплитуды «опорной» лексемы (и – соответственно – увеличения числа лексем-альтернантов), и, во-вторых, обширности самого изучаемого континуума (например, сетка КДА включает около 130 украинских говоров), фиксируется большое число «типов» дистрибуции. В качестве примера воспользуемся нашим анализом семантики лексемы *під* в составе микрополя и картографированием выявленных конфигураций [Клепикова 1986; в КДА: № 131] (см. в статье карту № 1). Отмечено несколько лексем, альтернантов *під* (*стрих, повала, стел'а, підлога, плафон* и под.), следствием чего является существование в четырехклеточном пространстве поля более 90(!) различных соотношений «опорной» и иных лексем [Клепикова 1986: 74–77]. Очевидно, что картографирование множества сложных по составу конфигураций позволяет представить их лишь в виде островных ареалов и единичных фиксаций, но при этом не могут быть выявлены изоглоссные области. Поэтому для решения последней задачи целесообразно в нашем примере интерпретировать диалектные формы с учетом лишь одного противопоставления – «х» ~ «не-х» (т.е. *під* ~ не-*під*)⁶. При этом число конфигураций сокращается до 9, и эти, «вторичные», обобщенные конфигурации картографируются (см. карту № 1). Таким образом выявляются достаточно значительные компактные микрозоны, свидетельствующие о типологической близости ряда диалектов; на стыках микрозон и на периферии обследованного континуума располагаются малочастотные типы.

(2) Отмечаются ситуации, когда картографирование «микротипов» представляется нецелесообразным. Ср., например, по КДА, микрополе «початок кукурузы (с зернами и без зерен)» (карта № 2). По [Клепикова 1977], наиболее частотны в данном микрополе лексемы *шул'ок* и *качан*, и, следовательно, они могут быть выбраны в качестве «опорных». Однако они не фиксируются в большом числе говоров ареала, поэтому картографирование бинарных отношений (*качан* ~ не-*качан* и под.) в составе микрополя сводится к противопоставлению иного типа – зон, где есть *х* и где отсутствует *х*; по этой же причине картографирование микрополя со всеми лексемами-альтернантами (помимо указанных, *кйях*, *ишика*, *струк* и др.), образующих 22 конфигурации, как и в предыдущем примере, не способствует выявлению изоглоссных областей (поэтому в КДА включена карта «початок с зернами» [№ 167]).

Отдавая предпочтение лингвистическим принципам построения микрополя, Н.И. Толстой допускал возможность и правомерность других «полевых» приемов, ср.: «...можно взять в основу эталон с внеязыковыми параметрами, можно... взять одну из реально существующих языковых систем, можно сконструировать модель на основе статистических параметров, можно, наконец, сконструировать эталон при помощи опорной лексемы. Все это лишь создание и н с т р у м е н т а для сравнения, но не само сравнение» [Толстой 1997: 89]. Не случайно в той или иной мере влияние идей Н.И. Толстого ощущается в трудах многих исследователей, использовавших, как правило, иные методы системного изучения диалектной лексики, ср., например, работы О.Н. Мораховской [Мораховская 1978; 1996] (там же – анализ соответствующей литературы), М. Младенова [Младенов 1978], В. Радевой [Радева 1970], Е.А. Нефе-

⁶ «Релевантным оказывается только соотношение пустых и полных клеток» [Толстой 1997: 88].

довой [Нефедова 1978] и под. Вместе с тем, по-видимому, отсутствует прямая связь между разысканиями Н.И. Толстого и чисто ономасиологическими подходами к изучению лексико-семантических явлений, выработанными коллективом «Молдавского лингвистического атласа» и нашедшими отражение в ряде специальных публикаций (Р.Г. Пиотровского [Пиотровский 1957], также В.С. Сорбалэ, В.К. Павела и др.) (см. подробнее [Клепикова 1980: 81–82]).

Замечательный пример продуктивности использования целого спектра «полевых» методик при изучении фрагмента лексико-семантической сферы южнобессарабских говоров демонстрирует П.Е. Гриценко ([Гриценко 1984]; также [Гриценко 1982]), творчество которого, несомненно, испытало воздействие Н.И. Толстого. Так, автор, с одной стороны, следует методу Толстого (отсюда – конструирование микрополей на основе «опорной» лексемы, с учетом и без учета альтернирующих с ней лексем), а, с другой, – прибегает и к иным методам, – строит различного вида структурно организованные микросистемы-модели ономасиологического и сема-ономасиологического характера и с их помощью анализирует множество тематических групп лексики (во внеязыковом плане они соотносятся с группой объектов [= реалий], объединенных общностью [близостью] свойств, назначений, применений). Несомненно, успеху этой книги [Гриценко 1984] способствовало и качество материала, – специально собранного для решения четко сформулированных задач; он же дал возможность автору проводить своего рода эксперименты по моделированию фрагментов лексико-семантической системы выбранного континуума. Заметим, что во второй книге, посвященной ареальному варьированию лексики [Гриценко 1990], проблемы моделирования не затрагиваются, так как основным в данном случае был материал украинского атласа [АУМ], недостаточный для решения указанных проблем.

Отметим и интересный опыт изучения Е.Л. Турчин микрополя «время принятия пищи» (= ‘завтрак’ ~ ‘дневная еда в поле [обед]’ ~ ‘еда перед вечером, [полдник]’ ~ ‘ужин’) в украинских говорах (по данным ОЛА) [Турчин 1982].

В настоящее время, когда в распоряжении исследователей имеется множество методов, в том числе «полевых», уже опробованных при анализе славянской диалектной лексики и семантики как в единичных языковых системах, так и в их совокупностях, можно с уверенностью говорить о нецелесообразности а б с о л ю т и з а ц и и какого-то одного метода. Применение отдельных методов (и их комбинаций) должно прежде всего диктоваться и самим исследуемым материалом (т.е. какого типа языковые явления оказываются предметом изучения – ЛСГ, полисемия и под.), и конкретными целями, которые ставит исследователь (подробнее – [Клепикова 1980: 82]). Практика изучения тех или иных групп лексики показывает необходимость постоянных модификаций и обновления уже существующих «полевых» методов и приемов, поскольку разработанные для анализа конкретных лексических групп приемы могут оказаться не вполне адекватными при анализе иных групп.

К сожалению, упоминавшаяся книга П. Гриценко [Гриценко 1984] была, на наш взгляд, последней масштабной публикацией в нашей стране (в дальнейшем – и в СНГ), посвященной общим и частным аспектам практического моделирования лексико-семантических систем на диалектном уровне. Существует, по-видимому, множество объективных и субъективных причин заметного снижения интереса к указанной проблематике в конце 70-х – начале 80-х гг. В частности – осознание того, что эффективность «полевых» методов напрямую зависит от качества предварительных изысканий, полноты и систематичности изучения по специальным программам совокупностей диалектов в типологическом и ареалогическом аспектах. Естественно, что для накопления значительных объемов такого, принципиально нового, материала требуется длительное время. Свою роль, несомненно, сыграл и отход Н.И. Толстого в 70-е гг. от активной разработки концепта «семантического поля» в теоретическом и практическом отношениях. Могут быть названы и некоторые другие причины. Можно лишь констатировать факт, что, в общем, подобные исследования фактически прекратились (или уже подготовленные труды не публикуются).

На смену «интенсивному» (= «типологическому») изучению диалектной лексики и семантики (естественно, там, где ранее оно существовало) приходит, так сказать, «экстенсивное»: отмечается, с одной стороны, усиление работы над лингвистическими атласами разных типов (упомянем прежде всего русский лексический атлас, атлас лексики Подмосковья А.Ф. Войтенко и др.), а, с другой, – активизация диалектной лексикографии. В качестве примера можно привести положение в белорусской диалектологии, в которой основной задачей в 80–90-е гг. становится создание «Лексического атласа белорусских народных говоров» [ЛАБНГ]; ср. рецензию Т.И. Вендиной в журнале ВЯ [Вендина 1997], при этом продолжается и работа по диалектной лексикографии. И Атлас, и диалектные словари, помимо решения своих собственных задач, служат еще одной цели – н а к о п л е н и ю качественно новой информации о единицах лексико-семантического уровня белорусского диалектного языка; она характеризуется как строго синхронная и систематическая, и в дальнейшем м о ж е т стимулировать развертывание типологических (и сравнительно-исторических) штудий лексикологического и семасиологического характера. Следствием этого станет неизбежное обращение к «плевым» методам, действительно, наиболее адекватным при решении типологических задач.

Ту же стадию – стадию аккумуляции новой информации о лексико-семантических явлениях в украинских говорах Правобережного (Житомирского) Полесья – можно усматривать и в поистине подвижнической деятельности Н.В. Никончука (а теперь и его сына). Речь идет об уже изданных (в виде идеографических словарей) материалах Лингвистического атласа указанной части Полесья, и представляющих собой тщательное описание корпуса лексических единиц ряда терминологических разрядов [Никончук М. 1979; 1988; Никончук М., Никончук О. 1990]. Уже сейчас, до завершения всего проекта, эти публикации, помимо прочего, дают надежный материал для конструирования (без преувеличения) д е с я т к о в микросистем-полей, в том числе в строгом соответствии с процедурой типологического изучения лексики и семантики диалектного континуума, предложенной Н.И. Толстым, а также для операций с этими микросистемами. Это и возможность выбора, в качестве «опорных», лексем со значительной семантической амплитудой, определяющей границы конкретного микрополя, это и построение наддиалектной сетки-модели или матрицы идентификации, это и возможность изучения дистрибуции всех лексем, альтерирующих в семантическом пространстве модели, это, наконец, операция конфронтации – на единой основе – микросистем ряда ЧДС.

* * *

В заключение подчеркнем следующее. Нам представляется, что ситуация известной стагнации в сфере типологического изучения славянской диалектной лексики и семантики рано или поздно изменится к лучшему и использование «полевых» методов, в том числе и, метода, разработанного Н.И. Толстым, вновь будет признано актуальным. Как справедливо писал П.Е. Гриценко, «теория поля не исчерпала себя» [Гриценко 1984: 8].

Разумеется, задачи типологического изучения указанной сферы существующими «полевыми» методами (resp. их возможными модификациями) и на качественно новом материале будет решать уже молодое поколение славистов-диалектологов, которое, несомненно, с уважением и интересом воспримет идеи и их конкретные реализации своих предшественников, и в том числе, конечно, Н.И. Толстого, его учеников и последователей. Как тенденцию усиления внимания к типологии лексико-семантических явлений и нового обращения к концепту «семантического поля» можно оценить тот факт, что в докладе к XII съезду славистов (1998 г.), написанном молодыми учеными А.Н. Соболевым, М.В. Домосилецкой и А.А. Плотниковой [Соболев, Домосилецкая, Плотникова 1998] как раз содержится анализ фрагмента семантического поля, включающего некоторые термины животноводства (в частности, названия, связанные с возрастом животных, по материалам некоторых южнославянских диалектов).

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- АУМ – Атлас української мови. Т. I–II. Київ, 1983; 1988.
- Бланар В. 1971 – О внутренне обусловленных семантических изменениях // ВЯ. 1971. № 1.
- Вейнрейх У. 1970 – О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Т. V. М., 1970.
- Вендина Т.И. 1997 – ВЯ. 1997. № 2 – Ред.: Лексичны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
- Гриценко П.Ю. 1982 – Тваринницька лексика українських західностепових говірок. Питання організації тематичної групи // Структура українських говорів. Київ, 1982.
- Гриценко П.Ю. 1984 – Моделювання системи діалектної лексики. Київ, 1984.
- Гриценко П.Ю. 1990 – Ареальне варіювання лексики. Київ, 1990.
- З жыцця... 1968 – 3 жыцця роднага слова. Лексікалагічны зборнік. Мінск, 1968.
- КДА – Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
- Клепикова Г.П. 1969 – Из опытов картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя) // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1969.
- Клепикова Г.П. 1977 – Сема-ономастиологический аспект в исследовании некоторых лексических групп (на материале карпатоукраинских говоров) // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1977.
- Клепикова Г.П. 1980 – Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем // Сов. славяноведение. 1980. № 2.
- Клепикова Г.П. 1986 – К проблеме изучения лексико-семантической вариативности в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме (карпато-балканский ареал) // Славянское и балканское языкознание. М., 1986.
- ЛАБНГ – Лексичны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
- Лексіка 1971 – Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971.
- Младенов М. 1978 – Из наблюдений над болгарской диалектной лексикой. Т. 3. Глаголы *доя*, *кърма*, *мълзем* // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1978.
- Мораховская О.Н. 1978 – К вопросу о методе картографирования в лингвистике // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1978.
- Мораховская О.Н. 1996 – Крестьянский двор: История названий усадебных участков. М., 1996.
- Нефедова Е.А. 1978 – О гипонимических отношениях в группе микологической диалектной лексики // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1978.
- Никончук М.В. 1979 – Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
- Никончук М.В. 1988 – Сільськогосподарська лексика Правобережного Полісся. Київ, 1988.
- Никончук М.В., Никончук О.М. 1990 – Транспортна лексика Правобережного Полісся в системі східнослов'янських мов. Київ, 1990.
- Пиотровский Р.Г. 1957 – Структурализм и языковедческая практика // ВЯ. 1957. № 4.
- Полесье 1968 – Полесье. М., 1968.
- Радева В. 1970 – Селскостопанска лексика на централния балкански говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. IX. София, 1970.
- Соболев А.Н., Домосилецкая М.В., Плотникова А.А. 1988 – Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. XII МСС. М., 1988.
- Толстой Н.И. 1997 – Избранные труды. Т. I: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- Турчин С.Л. 1982 – Лексико-семантична, словотворча і ареальна характеристика назв на позначення часу приймання їжі // Структура українських говорів. Київ, 1982.
- Уфимцева А.А. 1986 – Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.
- Щур Г.С. 1974 – Теория поля в лингвистике. М., 1974.
- Blanár V. 1961 – Zo slovenskej historickej lexikológie. Bratislava, 1961.
- Blanár V. 1984 – Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. Bratislava, 1984.
- Blanár V. 1990 – O vývinových zákonitostiach čiastkových lexikálno-sémantických systémov // Metódy výskumu a opisu lexiky slovenských jazykov. Bratislava, 1990.